

УДК 94(470)«1825»

DOI: 10.28995/2686-7249-2021-9-160-175

«Из мухи сделали слона»:

С.И. Муравьев-Апостол и Семеновская история 1820 г.

Оксана И. Киянская

Российский государственный гуманитарный университет,

Москва, Россия;

Институт научной информации

по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

Москва, Россия, kianoks@inbox.ru

Аннотация: В статье речь идет о Семеновской истории 1820 г., ставшей, по мнению многих исследователей, своеобразной «прелюдией» восстания декабристов. После солдатских волнений в октябре 1820 г. гвардейский Семеновский полк был раскассирован, а его офицеров перевели в армейские полки. В статье речь идет о причинах солдатского и офицерского недовольства командиром полка, полковником Ф.Е. Шварцем, ходе беспорядков в полку, поведении офицеров.

Кроме того, предметом анализа стало следственное дело офицеров Семеновского полка Д. Ермолаева и И. Щербатова, обвиненных в сочувствии солдатам, а также в попытке увидаться с наказанными зачинщиками беспорядков.

Семеновская история рассматривается в связи с биографией одного из ее участников – будущего декабриста С.И. Муравьева-Апостола. Описываются события в роте, которой командировал Муравьев-Апостол, последствия, которые «история» имела для его жизни и служебной карьеры. Делается вывод, что, нанеся обиду ни в чем не виноватому офицеру, власть тем самым способствовала его превращению в радикального революционера и руководителя антиправительственного заговора.

Ключевые слова: С.И. Муравьев-Апостол, декабристы, офицеры, Семеновский полк, Ф.Е. Шварц

Для цитирования: Киянская О.И. «Из мухи сделали слона»: С.И. Муравьев-Апостол и Семеновская история 1820 г. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 9, ч. 2. С. 160–175. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-9-160-175

“They made an elephant out of a fly”.
S.I. Murav’ev-Apostol and the unrest
in the Semyonovsky Regiment in 1820

Oksana I. Kiyanskaya

*Russian State University for the Humanities, Russia, Moscow;
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN),
Russia, Moscow, kianoks@inbox.ru*

Abstract. The article deals with the soldiers’ unrest in the Semyonovsky Regiment in 1820, which, according to many researchers, was a kind of “prelude” to the Decembrist uprising. After the soldiers’ unrest in October 1820, the Semyonovsky Guards Regiment was disbanded and its officers were transferred to the army regiments. The article explores the causes of soldiers’ and officers’ dissatisfaction with the regiment’s commander, Colonel F.E. Schwartz, the course of the riots in the regiment, and the behavior of the officers.

In addition, the article investigates the case of Semyonovsky Regiment officers, D. Yermolaev and I. Scherbatov, accused of sympathizing with the soldiers and attempting to meet with the punished instigators of riots.

The Semyonov history is considered in connection with the biography of one of its participants, the future Decembrist S.I. Murav’ev-Apostol. The article describes the events in the company commanded by Muravyov-Apostol, as well as the consequences that this “story” had for his life and career. It is concluded that by offending an innocent officer, the authorities thereby contributed to his transformation into a radical revolutionary and leader of an antigovernment conspiracy.

Keywords: S.I. Murav’ev-Apostol, Decembrists, officers, Semyonovsky Regiment, F.E. Schwartz

For citation: Kiyanskaya O.I. (2021), “ ‘They made an elephant out of a fly’. S.I. Murav’ev-Apostol and the unrest in the Semyonovsky Regiment in 1820”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, part 2, pp. 160–175, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-9-160-175

С.И. Муравьев-Апостол – знаменитый декабрист, руководитель восстания Черниговского полка, казненный в июле 1826 г., – вызывал единодушное восхищение современников. Декабристы называли Сергея Муравьева-Апостола «знаменитым сотрудником, приговоренным умереть на эшафоте за его политические мнения». По их мнению, «для отечества» он «готов был жертвовать всем»,

«не помрачил своего достоинства ни трусостью, ни подлостью»¹. Современники подчеркивали, что главными качествами казенного мятежника были «решительность», «твердость» и верность собственным убеждениям².

Между тем современники не понимали, откуда в характере Сергея Муравьева-Апостола появилась революционная «твердость». Греч утверждал, что в послевоенные годы «нравом» Сергей Муравьев «казался очень кроток, и в нем никак нельзя было подозревать того иступленного революционера, того безумного предводителя шайки мятежников (и еще обманутых), каким он явился впоследствии».

По словам Греча, причиной перемены в спокойном и дельном офицере стала Семеновская история: «Не случись ее, он преспокойно прослужил бы в гвардии, получил бы полк или поступил бы в флигель-адъютанты, женился бы на богатой барышне и был бы теперь где-нибудь хорошим военным губернатором»³.

Журналист во многом прав: не случись «истории» в гвардейском Семеновском полку, в котором декабрист служил в 1815–1820 гг., жизнь его наверняка сложилась бы по-другому. «История» эта многократно становилась объектом внимания историков. Однако место в этой «истории» Сергея Муравьева-Апостола до сих пор должным образом не выявлено.

Семеновская история осени 1820 г. стоит особняком среди событий конца 1810 – начала 1820-х гг. Шефом Семеновского полка был император Александр I. Филипп Вигель утверждал в мемуарах: «При поведении совершенно неукоризненным, общество офицеров этого полка почитало себя образцовым для всей гвардии... Они составляли из себя какой-то рыцарский орден, и все это в подражание венчанному своему шефу. Они видели в себе частицы его самого, мелкую его монету с его изображением, и самое их свободолюбие приистекало из желания ему сколько-нибудь уподобиться. Их при-

¹ *Андреевич Я.М.* Следственное дело // Восстание декабристов: Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1926. Т. 5. С. 387; *Лунин М.С.* Письма из Сибири. М.: Наука, 1988. С. 27; *Горбачевский И.И.* Записки. Письма. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 37, 92; *Розен А.Е.* Записки декабриста. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1984. С. 179.

² *Греч Н.И.* Записки о моей жизни. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1886. С. 379; *Дюма А.* Путевые впечатления: в России // Дюма А. Собрание сочинений. М.: Арт-Бизнес-Центр, 2010. Т. 73. С. 387; Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л.: Госиздат, 1926. С. 33.

³ *Греч Н.И.* Указ. соч. С. 379.

мер подействовал и на нижние чины: и простые рядовые возымели высокое мнение о звании телохранителей государевых. Семеновец в обращении с знакомыми между простонародья был несколько надменен и всегда учтив. С такими людьми телесные наказания скоро сделались не нужны: изъявление неудовольствия, строгий взгляд, сердитое слово были достаточными исправительными мерами. Все было облагорожено так, что, право, со стороны любо-дорого было смотреть»⁴.

Однако и в Семеновском полку были недостатки, невидимые «со стороны». Завышенные представления офицеров о собственном месте и в мире, и в гвардии привели к тому, что командование полком было делом весьма рискованным. Еще в 1812 г., незадолго до Бородинской битвы, возник конфликт между командовавшим полком полковником Карлом Криднером и его подчиненными. Командир был строг и груб с офицерами – и офицеры «постановили отправиться к нему и объявить, чтобы на будущее время он предъявлял какие угодно строгие требования, но чтобы никогда не осмеливался говорить дерзости», а вслед за тем «подали прошение о переводе в армию». Последовало разбирательство, корпусный командир цесаревич Константин сказал офицерам, что «первый долг военного», особенно когда «враг в центре государства», «подчиняться, хотя бы дали камень в командиры» – и «отказал Криднеру от командования полком»⁵.

Новый командир, генерал-майор Яков Потемкин, подчиненным понравился. Согласно Вигелю, «офицеры любили его без памяти, и было за что. В обхождении с ними был он дружественно вежлив и несколько менее взыскателен перед фронтом, чем другие полковые командиры», при Потемкине, любимце императора, «наслаждался полк сей наибольшею противу прочих свободою».

Однако в начале 1820 г. император переменял «свое снисхождение на строгость» и «захотел переделать и этот полк на свой лад»⁶ [Окунь, Порох 1956, с. 369 нет в списке]. Потемкина повысили: он получил под команду гвардейскую дивизию, а командовать семеновцами назначили полковника Федора Шварца.

У Шварца еще до его формального назначения возникла вражда с офицерами. Когда стало известно, что Потемкин уходит с долж-

⁴ Вигель Ф.Ф. Записки. М.: Захаров, 2003. Кн. 2. С. 975–976.

⁵ Пуцци П.С. Дневник 1812–1814 годов // Пуцци П.С., Чичерин А.В. Дневник 1812–1814 годов. Дневник 1812–1813 годов (сборник). М.: Кучково поле, 2012. С. 26–29; Муравьев-Апостол М.И. Воспоминания и письма. Пг.: Былое, 1922. С. 33.

⁶ Вигель Ф.Ф. Записки. Кн. 2. С. 975.

ности, «то все штаб и обер-офицеры, в полной форме», явились к нему с просьбой «не оставлять полка». Только что переведенный в полк и не успевший принять команду Шварц «в то же время» хотел «представиться к генералу Потемкину», но генерал не принял его. Шварц «стоял в отдалении от всех, и никто к нему не подошел». «Встреча сия была яблоко раздора и начало многих последствий!» – восклицал в мемуарах Василий Рачинский, в 1820 г. штабс-капитан Семеновского полка⁷.

9 апреля 1820 г. Шварц был официально назначен полковым командиром, но Потемкин долго не снимал мундира Семеновского полка, «самохвально надевая его на всех разводах, когда полки его дивизии вступали в караул»⁸.

Не желавшие служить со Шварцем офицеры стали – уже традиционно – просить перевода в другие полки, некоторые, как, например, капитан Дмитрий Ермолаев, стали проситься в отставку. Получив отставку, став отставным полковником, Ермолаев написал Шварцу письмо, в котором утверждал, что, будучи подчиненным Шварца, был вынужден выбирать: или «быть бесчестным человеком, не исполняя свою должность», или же «быть палачом» солдат. Шварца он отказывался называть «человеком», поскольку он был недостоин «носить сие имя» [Андреев 1998а, с. 120]. Впрочем, письмо не было отправлено и сохранилось в виде «черновика».

А батальонный командир полковник Иван Вадковский рассказал на следствии, что – по согласованию с офицерами – собирался еще в мае 1820 г. идти объясняться с командиром полка. Однако об этом намерении узнал начальник штаба Гвардейского корпуса генерал Александр Бенкендорф. Он вызвал к себе на «партикулярный разговор» Вадковского и двух других батальонных командиров и уговорил отказаться от этого намерения.

Не уверенный в себе, презираемый офицерами Шварц действительно стал жестоким командиром. Васильчиков писал, что в Семеновском полку дисциплина «была распущена», а командир – «крепкий человек» – старался «подтянуть полк». Однако Шварцу «не хватало ума для удачи в таком полку, где уже одно его назначение восстановило всех против него»⁹. Ротные командиры рассказывали на следствии, что недовольный выправкой и чистотой

⁷ *Рачинский В.И.* О беспорядках 1820 г. в Л[ейб-]Г[вардии] Семеновском полку // Шукинский сборник. М.: Т-во типографии А.И. Мамонтова, 1902. Вып. 1. С. 160–161.

⁸ Бумаги князя Иллариона Васильевича Васильчикова // Русский архив. 1875. № 8. С. 441.

⁹ Там же. С. 433.

амуниции солдат, Шварц наказывал виновных «иногда тесаками или ругая за то виновного, тербя его за нос, бив в лицо или коленом в брюхо»¹⁰.

Семеновская история, как известно, делится на два периода: от-носительно мирный и «буйный».

В ночь с 16 на 17 октября 1820 г. солдаты главной в полку, 1-й гренадерской, «государевой» роты лейб-гвардии Семеновского полка самовольно собрались на переключку и заявили о желании принести жалобу на Шварца. Солдаты были недовольны тем, что полковой командир отнимал их законное свободное время, в том числе время на отдых и на заработки, и при этом требовал, чтобы амуницию солдаты чистили и чинили за свой счет. На следующий день рота была отправлена в Петропавловскую крепость; впрочем, нескольких человек из этой роты в тот же день отпустили в казармы. На этом мирный период закончился.

Спустя сутки за арестованных товарищей вступились солдаты других рот. Все усилия ротных командиров успокоить солдат были тщетны: офицеры «становились у дверей в распятом положении, но не могли остановить стремление потока»¹¹.

Драматическими были события в 3-й фузilierной роте капита-на Муравьева-Апостола. Сергей Муравьев, в отличие от большин-ства офицеров-семеновцев, и до «истории», и после нее сохранял со Шварцем вполне мирные, деловые отношения. В момент появ-ления Шварца в полку он был в отпуске и соответственно в перво-начальном конфликте командира с офицерами участвовать не мог.

Капитан, как и другие офицеры-семеновцы, рассказывал на следствии по «семеновскому делу» о суровых наказаниях, которым Шварц подвергал солдат. Но при этом пояснял, что до «истории» «никому из высшего начальства не доносил о поступках полковни-ка Шварца», поскольку «никаких существенных... доказательств» в пользу версии о жестокости командира представить не мог. «Сверх того», капитан не донес на Шварца постольку, поскольку «не знает ни форм, ни времени подобных донесений, полагая всегда, что по-виновение есть единственный долг подчиненного»¹².

В ходе следствия выяснилось, что солдаты роты Муравьева-Апостола, как и солдаты других рот, не имели «покоя» «ни в будни, ни в праздники». Тем не менее они телесным наказаниям не под-вергались. Согласно показанию фельдфебеля 3-й фузilierной роты Андреева, нижние чины «все тягости несли с терпением и всякий,

¹⁰ РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 1550. Л. 40.

¹¹ *Рачинский В.И.* Указ. соч. С. 167.

¹² РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 1550. Л. 53, 55.

по увещиванию капитана, старался исполнять свою должность с усердием». Рядовые «были оберегаемы... попечением» ротного командира, «так что у них из роты никто из нижних чинов за смотры или ученья от полкового командира ни тесаками, ни палашами, как в других ротах, наказан не был»¹³.

О намерениях «государевой» роты и ее судьбе солдаты Муравьева не знали, с ними никто не вел разговоров «о тягостном их положении», и вечером 17 октября они спокойно легли спать. Но в двенадцатом часу ночи с 17 на 18 октября ротный командир «был извещен чрез дежурного по роте» о беспорядках в полку. Одевшись, капитан прибежал к своим солдатам и узнал, что нижние чины других рот, оттолкнув часового и дневального, «силою отворив дверь и опрокинув дневального, бросились в казарму», «вытаскивая насильно» солдат его роты «из покоев и выгоняя их в коридор».

Ситуация была неустойчивой: капитан «просил и приказывал» солдатам разойтись, «не брать в пример противозаконный поступок других рот, от которого произойдут для них пагубные последствия». Он объяснял солдатам, что своим «безрассудным поступком и его губят». Солдаты же других рот кричали: «Не расходись! Здесь нет 3-й роты, здесь есть весь батальон. Государева рота погибает, а 3-я рота пойдет спать и отстанет от своих братьев! Мы не разбойничать хотим, хотим всем вместе просить по начальству».

Успокаивая солдат, капитан «напомнул» им, что «с рассветом надобно одеваться в караул и что они осрамят полк, когда узнают причину, по которой полк не может дать караул». На это солдаты отвечали: «Как можно нам в караул нейти, у нас все вычищено, все готово, мы от службы непрочь».

Солдаты любили ротного командира, и поначалу выполнили его просьбу, ушли в казарму, «почти все легли, многие заснули». Но спокойствие было недолгим: 17 октября команда нижних чинов 3-й роты несла караул в придворном маскараде и возвратилась в полк «около 4-го часа утра 18-го октября». «Многие из солдат», сочтя эту команду за конвой, «присланный за ними от начальства», «вдруг закричали: “Караул идет и заберут нас здесь. Ежели хотят хватать, то пусть вместе хватают, один конец”». Солдаты бросились из казармы, и Муравьев-Апостол, хотя и «уговаривал людей остановиться, но тщетно», он не смог «остановить стремление потока». Ротные командиры, и Сергей Муравьев в их числе, нашли во дворе «почти весь полк собравшимся в толпе и большом беспорядке».

Уговоры ротных и батальонных командиров, как и руководства Гвардейского корпуса и военных властей столицы, не помогли –

¹³ РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 1550. Л. 30, 31, 55.

и 18 октября под арестом оказался целый полк. При этом капитан Муравьев-Апостол «удостоверял», что «по приводе нижних чинов» в Петропавловскую крепость «действительно 3-я рота первая выстроилась» – а солдаты раскаялись в содеянном¹⁴.

Поиски виноватых в «истории» начались одновременно с беспорядками. Естественно, что гвардейское начальство обвиняло прежде всего солдат. Командир Гвардейского корпуса генерал Илларион Васильчиков называл конкретных виновных, для которых он предлагал разные наказания: от битья кнутом и ссылки в каторжную работу до перевода в армейские полки.

Обвиняя солдат, Васильчиков тем не менее не снимал вину и с полкового командира, который был жесток и несправедлив к солдатам, а во время «истории», «потеряв, к предосуждению своему, твердость духа, допустил себя до того, что, быв побочным зрителем происшествия, сам к ним не вышел и тем дал время своевольству сделаться общим и гибельным для целого полка»¹⁵.

Согласно «обвинительной» для Шварца версии, полковой командир был глупым патологическим садистом, мучившим солдат. Дежурный генерал Главного штаба Арсений Закревский утверждал в письме к начальнику штаба, князю Петру Волконскому: беспорядкам в полку «есть не иная причина, как совершенное остервенение противу полковника Шварца, и других побочных причин совершенно никаких нет»¹⁶.

Схожим образом характеризовали командира семеновцев историки П.П. Карцов и М.И. Богданович¹⁷. В русле рассказов о «зверствах» Шварца написана и книга В.А. Лапина [Лапин 1991].

Но вполне возможно, что садизм Шварца был в ходе следствия несколько преувеличен. Преувеличение могло быть плодом договоренности: на время следствия солдаты не были изолированы друг от друга, к ним имели доступ и офицеры – и соответственно какие угодно версии могли сочиняться достаточно свободно. За 7 месяцев, которые Шварц командовал Семеновским полком, было два инспекторских смотра, на которых солдаты имели право жало-

---

¹⁴ Семеновская история 1820 года: Мнение (князя) И.В. Васильчикова, с предисловием Д.А. Кропотова // Русский архив. 1870. № 10. С. 1791–1793; РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 1550. Л. 23 об., 17, 17 об., 18, 29.

¹⁵ Семеновская история... С. 1810.

¹⁶ Сборник Императорского русского исторического общества. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1890. Т. 73. С. 109.

¹⁷ *Карцов П.П.* Событие в Лейб-гвардии Семеновском полку в 1820 г. // Русская старина. 1883. № 4. С. 85; *Богданович М.И.* История царствования императора Александра I и России в его время. СПб., 1871. Т. 5. С. 491–492.

ваться на командиров. Однако они «не только никаких жалоб не объявляли, но еще отозвались довольными»¹⁸.

Есть и вполне логичная версия, обвинявшая в произошедшем самого Васильчикова и других гвардейских начальников. Согласно ей, бытовая жалоба «государевой роты» – солдаты которой были виновны только в том, что их жалоба «принесена была в совершенно неуместную пору»¹⁹ – переросла в «историю» потому, что рота была арестована и отравлена в крепость. Николай Тургенев справедливо отмечал в дневнике: «Главная ошибка состояла в том, что первую роту посадили в крепость. Прочие не хотели ни к чему приступить без сей роты и требовали ее с ними соединения. В течение сих двух дней Василь[чиков] и генералы сидят в Главном штабе и советуются... Едва ли из мухи эти господа не сделали слона! Кто же виноват, что они не знали, что делать?»²⁰.

О том, что столичные военные власти «из мухи сделали слона», можно прочесть и в письмах современников, и в позднейших мемуарах²¹ [Лапин 1991, с. 191].

Семеновская история окончилась плачевно: полк был раскассирован. Шварц, приговоренный поначалу к смертной казни, был в итоге отправлен в отставку. Некоторые особо активные солдаты были подвергнуты телесному наказанию и сосланы в Сибирь. Других перевели в Оренбургский, Сибирский и Кавказский корпуса и в полки 1-й армии.

Император признал: офицеры-семеновцы были «совершенно непричастны» к истории, более того, они «старались восстановить потерянный порядок». Но остановить солдат им не удалось – и этим офицеры «доказали свое неумение обходиться с солдатами и заставлять себе повиноваться»²². Офицеров перевели в армейские полки, «сохранив им преимущество гвардейских чинов» – то есть добавив два чина при переводе. Согласно императорскому приказу, Сергей Муравьев-Апостол стал подполковником армейского Полтавского пехотного полка.

¹⁸ Семеновская история... С. 1786; Бумаги князя Иллариона Васильевича Васильчикова // Русский архив. 1875. № 8. С. 433, 234–235.

¹⁹ *Карцов П.П.* Событие в Лейб-гвардии Семеновском полку в 1820 г. // Русская старина. 1883. № 3. С. 700.

²⁰ *Тургенев Н.И.* Дневники и письма за 1816–1824 годы. Пг.: Акад. двенадцатая гос. типогр., 1921. С. 245.

²¹ *Розен А.Е.* Указ. соч. С. 75.

²² Приказ от 2 ноября 1820 г. // Высочайшие приказы о чинах военных. СПб., 1821.

Филипп Вигель вспоминал: «в первой половине ноября» 1820 г. «шедши пешком по Гороховой улице, встретил я Сергея Муравьева с каким-то однополчанином. “Что с вами?” – спросил я его, – мне кажется, вы нездоровы”. – “Нет, здоров, – отвечал он, – только не весел: радоваться нечему”. – “И полноте, – сказал я, – скоро царь придет; он не даст детей своих в обиду; потерпите, надейтесь”. Грустно взглянув на меня, промолвил он: “Vivere in sperando, morire in casando”²³, – поклонился и пошел далее. Боюсь, сказал я себе, что он что-то недоброе замышляет»²⁴.

После окончания «истории» Сергей Муравьев-Апостол проводил время в «невероятных хлопотах». У него было много дел: плывший в Свеаборг семеновский батальон попал в бурю, часть его была «прибита» в Ревель – и Сергей Муравьев был послан туда «для командования». Вернувшись, он сдавал ротное хозяйство новому командиру, и сдавал «в ужасном беспорядке»²⁵ [Эйдельман 1975, с. 125]. Кроме того, по воспоминаниям Матвея Муравьева-Апостола, его брату «поручено было отводить роты раскассированного полка в Царское Село для передачи армейским офицерам, которые их отводили поротно»²⁶.

Муравьев мог не бояться следствия, разбиравшего ход «истории»: он не дерзил командиру, в ходе солдатских беспорядков остался верен присяге и до последнего отговаривал солдат своей роты от присоединения к «бунтовщикам». В столице многие знали, что капитан в сложных обстоятельствах «не изменил себе». Обстоятельства «помогли ему обнаружить прекрасный характер и показать, как благородно он мыслит и действует». О Сергее Муравьеве в свете говорили «с большим уважением», и даже те, кто лично не знал его, сожалели, «что гвардия теряет одного из лучших офицеров, который в этой ситуации сделался еще более достойным всеобщего уважения» [Эйдельман 1975, с. 123–125].

Но через год, осенью 1821 г., началось новое расследование, на этот раз обвиняемыми оказались четверо офицеров-семеновцев. Среди них были капитан Николай Кашкаров, командир «государевой» роты, и полковник Иван Вадковский, командир 1-го батальона, в который эта рота входила. Оба они сочувствовали солдатам и, как и все в полку, презирали Шварца, и у обоих нашлись служебные

---

²³ «Жить в надежде, умереть в дерьме» (*ит.*).

²⁴ Вигель Ф.Ф. Записки. М.: Захаров, 2003. Кн. 1. С. 979.

²⁵ РО РНБ. Ф. 859 (Н.К. Шильдер). К. 40. Д. 17. Л. 51; РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 1556. Л. 31, 40, 41.

²⁶ Муравьев-Апостол М.И. Воспоминания и письма. С. 41.

упущения, которые, как казалось следователям, способствовали солдатским волнениям²⁷.

Кроме них, к следствию были привлечены еще два офицера, близкие друзья Сергея Муравьева-Апостола.

Штабс-капитана Ивана Щербатова, одного из ротных командиров, в момент беспорядков в Петербурге вообще не было, он был в отпуске в Москве. Однако он состоял в переписке с отставным полковником Ермолаевым, считавшим, что полковой командир не достоин носить имя человека. В одном из писем Щербатов «изъяснялся насчет буйственной решимости нижних чинов», считавших, что «лучше идти в крепость, чем оставаться в казарме», как о «благородном чувстве, заслуживающем подражания офицеров». Кроме того, командуя ротой, он «допускал нижних чинов... забавляться неприличными шутками насчет полкового командира».

Ермолаев же оказался виновным, поскольку «по выходе в отставку изготовил вчерне оскорбительное письмо к написанию к полковнику Шварцу». Обвинялся Ермолаев и в том, что «во время службы своей на учениях при нижних чинах смеялся над ним, и в публике... говорил о Шварце много дурного». Кроме того, в письмах к нижним чинам Ермолаев «обвинил 3-ю гренадерскую роту», которой он командовал до отставки, «в том только, что вышла на площадь, а не на ротный двор»²⁸.

Учитывая ход расследования поступков Ермолаева и Щербатова, следует отметить: Сергей Муравьев-Апостол просто не мог в 1821 г. не оказаться под большим подозрением.

Во-первых, Щербатов показал на допросе, что имел «особенную связь и дружбу», а также состоял в переписке с капитаном Муравьевым-Апостолом. Ермолаев тоже подтвердил, что был дружен с капитаном, и воспроизвел на следствии кличку, данную другу: «Горячий»²⁹. Фамилия Муравьева постоянно мелькала в переписке Ермолаева и Щербатова, приобщенной к следствию.

Муравьев переписывался с Щербатовым, в частности, о событиях в полку. Более того, находившийся в Москве Щербатов узнал подробности «истории» из совместного письма Ермолаева и Муравьева-Апостола. Письмо это было написано 19 октября, сразу после событий, и перлюстрировано на почте. Естественно, письмо проникнуто сочувствием к нижним чинам и презрением к Шварцу³⁰.

Однако дело было не только в письмах. Дмитрий Ермолаев был арестован и привлечен к следствию после того, как в сентябре

²⁷ РГВИА. Ф. 16231. Оп. 1. Д. 468. Л. 58–60.

²⁸ Там же. Л. 60–60 об.

²⁹ Там же. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 1550. Л. 136 об., 139 об.

1821 г. «домогался узнать и видеть арестантов, содержавшихся в лазарете на Охтенском пороховом заводе, невзирая на то, что получил от командира лазарета... отказ в том»³¹. В лазарете, между прочим, совержались признанные зачинщиками беспорядков и прогнанные сквозь строй солдаты-семеновцы [Андреев 1998b, с. 131–132].

Между тем еще в декабре 1820 г. капитан Муравьев-Апостол поручил оставшемуся на свободе унтер-офицеру своей роты, отвечавшему за ротный провиант каптенармусу Бобровскому, пробраться к заключенным в Петропавловской крепости солдатам «под видом доставления хлеба». При этом Муравьев снабдил Бобровского чужим мундиром и фальшивым удостоверением, что «ему действительно нужно быть в крепости». С поручением Бобровский справился; он принес на волю разные слухи, ходившие среди семеновцев, в частности о том, что «у нас нет теперича царя... потому что он присягу принимал только на 20 лет, а срок вышел», и о том, что «на Дону все войска взбунтовались». Правда, миссию свою каптенармус не удержал в тайне, следствием чего был донос начальнику Главного штаба князю Петру Волконскому.

Бобровского арестовали, а Волконский писал Васильчикову: «Нужно сделать наистрожайшее исследование по этому предмету, сообщив мне подробности, каким образом это случилось и как караульные могли допустить посторонних лиц к арестантам»³².

Призванный к ответу, капитан Муравьев-Апостол пояснил, что причины этого поступка были чисто экономическими: необходимо было провести с солдатами «провиантские расчеты». Дело дошло до императора, который приказал «арестовать Муравьева-Апостола на трое суток за то, что он “осмелился” посылать Бобровского “утайкою”, хотя мог бы сделать это, спрося позволения у начальства»³³. Формально этим наказанием дело и ограничилось.

Сергея Муравьева-Апостола не привлекали к допросам по делу Ермолаева и Щербатова, по-видимому, лишь потому, что в ходе беспорядков он не поддержал взбунтовавшихся солдат, а с начала

---

³⁰ Письмо полковника Ермолаева и Сергея Муравьева-Апостола князю Ивану Дмитриевичу Щербатову // Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (1807–1829). М.: ГПИБЛ, 2006. С. 260–263; РО РНБ. Ф. 859 (Н.К. Шильдер). К. 40. Д. 17. Л. 7–8 об.; РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 1550. Л. 143 об.

³¹ РГВИА. Ф. 16231. Оп. 1. Д. 468. Л. 60 об.

³² Бумаги князя Иллариона Васильевича Васильчикова // Русский архив. 1875. № 5. С. 70.

³³ *Семевский В.И.* Волнение в Семеновском полку (продолжение) // Былое. 1907. № 2. С. 112–113.

1821 г. служил вне столицы. Однако о его переписке и поступках следствие собирало сведения: у него был проведен обыск и изъяты бумаги. Впрочем, в бумагах этих «не оказалось ничего, что могло бы заслужить внимание»³⁴.

Летом 1821 г. начальник Главного штаба Петр Волконский откасался перевести Муравьева-Апостола на другое место службы, поскольку он, «быв замешан по делу Семеновского полка, может быть, еще нужен будет к суду»³⁵. Тогда же Сергей Муравьев сообщал отцу слух, который вполне мог оказаться реальностью: «Суд над 1-м батальоном бывшего Семеновского полка возобновился... быть может, я буду вынужден совершить еще поездку в Петербург» [Медведская 1970, с. 43].

В ноябре–декабре 1821 г. в армии стали распространяться и слухи об аресте Сергея Муравьева. В частности, князь Сергей Трубецкой, тоже бывший семеновец, писал ему, что «всю дорогу от Вильны» его «преследовали» неприятные известия о друге, и он «весьма обрадовался, когда, приехав в столицу... узнал, что это одни пустые слухи». Отцу, до которого тоже дошли слухи об аресте сына, Сергей Муравьев-Апостол сообщал, что не собирается в «неприятнейшее путешествие»³⁶.

Спустя пять лет после «истории» был написан еще один связанный с «историей» донос, фигурантом которого стал Сергей Муравьев-Апостол. В доносе речь шла о том, что вскоре после событий в полку он якобы показывал солдатам некие «письма, которые писали семеновцы преображенцам, прося защитить их»; в этих «письмах» семеновцы просили солдат одной с ними первой гвардейской бригады «стоять дружнее за товарищей» [Мандрыкина 1954, с. 120]. Очевидно, речь шла об анонимных прокламациях, обращенных, в частности, к солдатам Преображенского полка. Автор или авторы прокламаций осуждали несправедную власть, признавали недействительной «невольную» присягу, призывали последовать примеру семеновцев, восстать, взять «под крепкую стражу» царя и дворян. И «между собою выбрать по регулу надлежащий комплект начальников из своего брата солдата и поклясться умереть за спасение оных»³⁷. С текстом прокламаций Сергей Муравьев-Апостол был знаком: ис-

³⁴ *Муравьев-Апостол М.И.* Следственное дело // Восстание декабристов: Материалы. М.: Госполитиздат, 1950. Т. 9. С. 187; РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 1550. Л. 147 об.

³⁵ РГВИА. Ф. 395, оп. 73, 2 отд. 1821. Д. 562. Л. 1.

³⁶ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 18. 1-я эксп. 1843 г. Д. 185. Л. 7, 11.

³⁷ Прокламации 1820 года // Декабристы: поэзия, драматургия, проза, публицистика, литературная критика. М.; Л.: Худож. лит., 1951. С. 470–472.

следователи давно выяснили, что прокламации были одним из источников «Православного Катехизиса», прочитанного впоследствии перед восставшим Черниговским полком³⁸. Показывал ли на самом деле кому-нибудь Муравьев эти прокламации, и если показывал – то кому и зачем, осталось неизвестным. Но если бы сведения о подобных разговорах Сергея Муравьева с нижними чинами попали в руки следствия, то могли бы стать причиной больших неприятностей.

Руководивший следствием и судом над офицерами-семеновцами командир лейб-гвардии Конного полка генерал Алексей Орлов, комментируя дело, утверждал: «Слон начинает превращаться в муху»³⁹. Но суд вынес решение казнить Кашкарова, Вадковского и Ермолаева, а Щербатова «наказать на теле»⁴⁰. Естественно, приговор этот был составлен в расчете на значительное смягчение: казнить офицеров было решительно не за что, а телесные наказания к дворянам не применялись.

По мере прохождения инстанций приговор смягчался. В августе 1822 г. Аудиториатский департамент Главного штаба постановил: хотя в поступках Вадковского и Кашкарова «и не усматривается никакого умысла», их следует «лишив... всех чинов и орденов, написать в рядовые». Ермолаева и Щербатова следовало «предать... заключению в крепости»: «Ермолаева на два, а Щербатова на один год»⁴¹.

Но для того чтобы приговор вступил в силу и следствие окончилось, необходима была императорская конфирмация, Александр же так и не нашел возможности поставить в этом деле точку. Четыре офицера сидели в тюрьме и ждали решения собственной участи⁴². Сергей Муравьев-Апостол отличался от них лишь тем, что ждал этого решения на свободе, все время опасаясь ареста и обыска.

Текст прокламаций см. также: *Семевский В.И.* Указ. соч. С. 83–86, 92–93; [Лапин 1991, с. 150–153].

³⁸ *Шильдер Н.К.* Император Николай I. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1903. Т. 1. С. 365. См. также [Карацуба 2008, с. 465–466].

³⁹ Сборник Императорского русского исторического общества. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Т. 78. С. 442.

⁴⁰ РГВИА. Ф. 16231. Оп. 1. Д. 468. Л. 61.

⁴¹ Там же. Л. 64–64 об.; 69–69 об.

⁴² Дело офицеров-семеновцев было закончено лишь в феврале 1826 г. Николай I распорядился: Вадковского и Кашкарова «посадить в крепость, первого на два с половиной года, а второго на два года, после того отправить на службу в Кавказский корпус, дабы дать случай загладить свой проступок». Ермолаева и Щербатова, «лишив чинов и орденов», отправили «рядовыми в Кавказский корпус впредь до выслуги» (РГВИА. Ф. 16231. Оп. 1. Д. 468. Л. 21).

Пожалуй, самое экстравагантное мнение о причинах «истории» принадлежит императору Александру I, находившемуся в тот момент в Троппау, на конгрессе Священного союза. Император писал своему временщику графу Аракчееву, что «приписывает» солдатское неповиновение «тайным обществам», опутавшим всю Европу и проникшим в Россию⁴³.

Мнение императора вроде бы можно подтвердить фактом обнаружения антиправительственных прокламаций. Однако ни следователям, ни исследователям так и не удалось доказать, что к их изготовлению были причастны солдаты или офицеры Семеновского полка – или какие бы то ни было члены тайных обществ.

Сергей Муравьев-Апостол был одним из основателей Союза спасения – первого декабристского тайного общества, членом Союза благоденствия. Однако знавший его в конце 1810-х гг. Федор Глинка утверждал, что никогда не слышал от Муравьева-Апостола «ни одного резкого суждения. А при случае разговоров в *полеми-ческом* смысле он никогда не спорил, а часто шутил насчет тех, кои усиливались выказать ученость и ум»⁴⁴. Политика входила, конечно, в сферу интересов Муравьева, однако радикализмом он – до «истории» – не отличался.

Но власть обидела его, совершенно ни в чем не виноватого офицера. Обидела переводом в армию и подозрениями по делу Ермолаева и Щербатова – которые тоже ни в чем виноваты не были. Семеновская история стала первым шагом на пути превращения Сергея Муравьева-Апостола из обычного либерального офицера в руководителя антиправительственного заговора.

Литература

- Андреев 1998a – *Андреев А.Ю.* «Отсутствующие всегда виновны...» // Знание – сила. 1998. № 3. С. 112–120.
- Андреев 1998b – *Андреев А.Ю.* «Отсутствующие всегда виновны...» (окончание) // Знание – сила. 1998. № 4. С. 129–138.
- Карацуба 2008 – *Карацуба И.В.* «Православный катехизис» С.И. Муравьева-Апостола: комментарий // Декабристы: актуальные проблемы и новые подходы / Отв. ред. О.И. Киянская. М.: РГГУ, 2008. С. 460–476.
- Лапин 1991 – *Лапин В.А.* Семеновская история 16–18 октября 1820 года. Л.: Лениздат, 1991. 251 с.

⁴³ Цит. по: *Богданович М.И.* Указ. соч. С. 515.

⁴⁴ *Глинка Ф.Н.* Следственное дело // Восстание декабристов: Документы. М.; РОССПЭН, 2001. Т. 20. С. 133.

- Мандрыкина 1954 – Мандрыкина Л.А. Агитационная песня «Вдоль Фонтанки реки» и участие А.И. Полежаева в ее распространении // Литературное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 59. С. 101–122.
- Медведская 1970 – Медведская Л.А. Сергей Иванович Муравьев-Апостол. М.: Просвещение, 1970. 176 с.
- Эйдельман 1975 – Эйдельман Н.Я. Апостол Сергей. М.: Политиздат, 1975. 365 с.

References

- Andreev, A.Yu. (1998), “Those who are absent are always guilty”, *Znanie – sila*, no. 3, pp. 112–120.
- Andreev, A.Yu. (1998), “Those who are absent are always guilty”, *Znanie – sila*, no. 4, pp. 129–138.
- Eidel'man, N.Ya. (1975), *Apostol Sergej*. Politizdat, Moscow, USSR.
- Karatsuba, I.V. (2008), “S.I. Murav'ev-Apostol's 'Orthodox Catechism'. A commentary”, in Kiyanskaya, O.I., *Dekabristy: aktual'nye problemy i novye podhody* [The Decembrists: current problems and new approaches], RGGU, Moscow, Russia, pp. 460–476.
- Lapin, V.A. (1991), *Semenovskaja istorija 16–18 oktjabrja 1820 goda* [The revolt in the Semyonovsky regiment on October 16–18, 1820], Lenizdat, Leningrad, USSR.
- Mandrykina, L.A. (1954), “The propaganda song ‘Along the Fontanka River’ and the participation of A.I. Polezhaev in its distribution”, in *Literaturnoe nasledstvo*, vol. 59, AN SSSR, Moscow, USSR, pp. 101–122.
- Medvedskaja, L.A. (1970), *Sergei Ivanovich Murav'ev-Apostol* [Sergei Ivanovich Murav'ev-Apostol], Prosveshchenie, Moscow, USSR.

Информация об авторе

Оксана И. Киянская, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, Нахимовский пр-т, д. 51/21; kianoks@inbox.ru

Information about the author

Oksana I. Kiyanskaya, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047;

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow, Russia; bld. 51/21, Nakhimovsky Av., Moscow, Russia, 117997; kianoks@inbox.ru